

Знаток и ценитель русских церковных древностей граф М.В. Толстой при описании достопримечательностей, увиденных им в середине XIX в. в Успенском соборе Ростова Великого, особо обратил внимание на несколько вещей, которые чудом уцелели при разграблении соборной ризницы в Смутное время. Первая из них: «Полиставрий или крестчатые ризы, в которые, как уверяет предание, облачался святитель Леонтий. Кресты вытканы серебром и золотом по камке, и заключены в кругах; вышитое оплечье, по всей вероятности, приделано позднее»¹. Можно было бы подумать, что здесь речь идет о неизвестном ныне облачении, но к первому изданию цитируемой книги, напечатанному в 1847 г., приложен весьма неточный рисунок существующего памятника, где кресты вовсе не «заключены в кругах». Еще более удивительно, что значительно позже то же несоответствие перешло в более пространное описание А.А. Титова: «Крестчатая фелонь или полиставрий, повешенный в раме за стеклом в приделе св. Леонтия и называемый Леонтьевским, так как, по преданию, в него будто бы облачался святой епископ Леонтий. Кресты на нем, вытканые золотом и серебром, заключены в кругах; оплечье малинового рытого бархата по серебряному фону; подольник по красной земле парчи золотной, обложен кругом гасом серебряным; на подкладке двуличной гарнитуровой»². Совершенно ясно, что речь идет об уцелевшей ризе, совпадающей с описанной (рис. 1). Иной подобной в ростовском соборе не было, по крайней мере, во второй половине XIX – начале XX вв. Следовательно, именно ей была отведена роль мемории, связанной со святителем Леонтием.

Если бы данная фелонь-полиставрий действительно оказалась ему принадлежавшей, – она должна бы войти во все работы по истории художественных тканей периода домонгольской Руси. Ведь украшенные лицевым золотным шитьем фрагменты архиерейского облачения, извлеченные при археологических раскопках погребения в Софийском соборе в Киеве, могут быть датированы лишь концом XII, либо началом XIII вв.³ Но никак не второй половиной XI в., когда жил св. Леонтий Ростовский. Впрочем, в древности рассматриваемой здесь достопримечательности явно сомневались и оба писавших о ней автора: первый подчеркнул позднее происхождение оплечья, а второй довольно отстраненно лишь зафиксировал предание, без каких-либо пояснений. По странному стечению обстоятельств, фелонь, представленная в ноябре 1923 г. на выставке шитья в Ростовском музее как произведение XVI в., позже так и не привлекла более пристальное внимание исследователей, хотя бы и в связи с бытовавшей легендой. Между тем, возникновение последней тоже не лишено интереса, равно как и происхождение самой фелони-полиставрия, изготовление которой явно оказалось приуроченным к определенному, скорее всего значительному событию.

Фелонь была на Руси принадлежностью как священнического, так и епископского облачения, до начала XVIII в., а у старообрядцев – даже до 1917 г. Киевские митрополиты до начала XIV в. тоже облачались в фелонь, что зафиксировано в изображениях митрополита Максима (1283-1305): на иконе и на шитом воздухе 1389 г.⁴ В фелонях-полиставриях представлены греческие архиереи – члены константинопольского собора 1351 г., на миниатюре парижской рукописи Богословских сочинений Иоанна Кантакузена, 1371-1375 гг.⁵, а также митрополита Иаков Серрский на миниатюре Евангелия 1354 г.⁶ В этом контексте употребление русским епископом XI в. фелони-полиставрия исключено. В фелонях служили и новгородские архиепископы, пока Василий Калека (1331-1352) не получил до того невиданные «ризы хрестьцаты»⁷, уже после выполнения его изображения на известных вратах 1336 г.⁸ Ктиторская фреска Успенской церкви на Волотовом поле представляла архиепископов новгородских Моисея и Алексея в фелонях лишь с нашитыми большими четырехконечными крестами в предплечьях⁹. Архиепископ Моисей право на это получил в 1354 г., по грамоте константинопольского патриарха Филофея¹⁰. Последний, однако, по жалобе митрополита и великого князя московского, с обвинением в непочтении и неповиновении, приказал грамотой 1370 г. архиепископу Алексею «сложить кресты» с фелони¹¹. В ризнице Софийского собора в Новгороде сохранилась настоящая фелонь-полиставрий, якобы принадлежавшая упомянутому архиепископу Моисею (1326-1330, 1352-1359)¹². В действительности же она имеет вытканную вместе с крестами монограмму митрополита Фотия (1410-1431), имевшего также право на употребление саккоса¹³. Приведенные факты показывают, что местные предания далеко не всегда адекватно отражают реальные исторические факты.

Ростовская фелонь-полиставрий передана в музей из Успенского собора в 1921 г.¹⁴ Она древнего колокообразного покроя, достигавшая по длине 150 см, а по ширине, в развернутом

виде (рис. 2), – 206 см; размеры существующего оплечья – 33x77 см. По типологии она напоминает фелони преподобного Сергия и Никона Радонежских, но, вместе с тем, отличается иного абриса оплечьем и плавно очерченным широким вырезом спереди, доходящим до колен. Впрочем, то и другое явно не были изначальными. По сравнению с вложенными в Троице-Сергиев монастырь с богато расшитыми оплечьями фелоней вкладов князя Петра Щенятева, 1544 г., и боярина князя Федора Михайловича Трубецкого, 1592 г.¹⁶, описываемое облачение выдается архаизмом своих форм, в частности – покроем оплечья из турецкого рытого бархата XVII в. Его появление надо отнести к реставрации, как и опуши подольника из турецкого атласа конца XVI – начала XVII в. (рис. 3). В существующем виде соединение отмеченных частей с основой, сплошь зашитой золотной нитью, с изображением широких равноконечных крестов на серебряном фоне, заполняющем просветы между рукавами и концами их, выглядит несколько грубоватым. Кресты и просветы с закрепой различными по форме стежками. И поэтому, с учетом исключительной ценности выполненной вручную в целом искусной имитации дорогой крестчатой ткани, трудно предположить изначальное отсутствие разделительных узорных полосок, столь обычных в оформлении русских фелоней XVI-XVII вв.¹⁷ При сопоставлении с фелонью ростовского митрополита Варлаама, 1635 г.¹⁸, становится очевидным, что появление описываемой фелони-полиставрии отделено продолжительным временем, и что ее реставрация могла иметь место именно в начале XVII в. Необходимо было найти замену шитому жемчугом и украшенному камнями оплечью, обезображенному при разграблении Успенского собора осенью 1608 г.¹⁹ Итак, существующие оплечье и опушь не изначальные. До недавнего времени можно было предполагать, что прежнее оплечье было спорото грабителями, но при реставрации оно выявлено, хотя и в изуродованном виде: со споротыми камнями и жемчужной обнизью, а также обрезанным краем (бордюром).

Византийский изобразительный материал отражает появление фелони-полиставрии примерно с 1160-х гг., благодаря включению в схему апсидальных стенописей церкви св. Пантелеймона в Нерези изображений святителей, белые фелони которых с крупными равноконечными крестами, обозначенными темным цветом или же, наоборот, очерченными широким темным контуром²⁰. В фресках церкви Вознесения в Милешево, до 1228 г., в фелони-полиставрии изображен также св. Савва Сербский²¹. В эпоху Палеологов изображения различных греческих иерархов в крестчатых ризах уже не составляют редкость, и это хорошо видно в иконописи. Стоит указать хотя бы на икону Богородицы с Младенцем и предстоящими пророком Моисеем и иерусалимским патриархом Евфимием (1105-1112), выполненную в XIII в., в монастыре св. Екатерины на Синае²². В XIV в. все чаще появляются иконы св. Николы, облаченного в фелонь-полиставрий, с крестами различного типа. Очевидно, мыслилось, что как архиепископ он имеет на это право. Не исключено, что упомянутая фелонь с монограммой митрополита Фотия оказалась в Новгороде, будучи им пожалована одному из тамошних архиепископов. Это могли быть Симеон (1416-1421) либо Евфимий Брадатый (1424-1429). Если в XV в. ношение фелони-полиставрии на Руси становится возможным для архиепископов, то, начиная со св. Феодора (1390-1395), этот сан имели и ростовские архиереи. Лишь с учреждением в 1589 г. московского патриаршества Варлаам (1587-1603) первым был возведен в сан митрополита. Казалось бы, к этому событию логично приурочить изготовление рассматриваемого здесь облачения. Но техника шитья греческая, и скорее всего принадлежит мастерицам великой княгини Софии Палеолог, скончавшейся в 1503 г. Также возникает вопрос: могло ли быстро быть выполнено это шитье и в какой мастерской? Работа столь большого объема, требовавшая затрат дорогостоящего материала в огромном количестве, а также привлечения искусных вышивальщиц. О местном происхождении фелони не может быть и речи. Такая работа должна была выйти из стен московских придворных светлиц. Типологические особенности фелони, очевидно, первоначально не имевшей впереди выреза, сделанного лишь при ее чинке, может быть даже одновременно с надставкой оплечья и каймы из турецких тканей XVII в., указывают на более раннее время. Опять-таки невозможно представить подобную архаику среди столичной продукции зрелого XVI в. Похоже, что клубок сплетающихся противоречий не оставляет ни малейшей надежды на уточнение датировки.

Стоит обратиться и к иконографии св. Леонтия Ростовского, с учетом всего, что уже сделано в ее изучении²³. Важное значение имеет и формирование культа святителя в свете данных письменных источников²⁴. Обретение мощей произошло между 1160-1170 гг., а установление празднования памяти связано с ростовским епископом Иоанном (1190-1214). В Успенском

соборе сохранился аркосолий от постройки 1213-1231 гг., в котором был поставлен каменный саркофаг с мощами св. Леонтия, у южной стены дьяконника²⁵. Фронтальное изображение святителя в рост, с воздетыми руками, по своему типу идентичное образу Николы Зарайского, известному с XIII в. Наиболее раннее изображение св. Леонтия, известное на сегодняшний день, – найденная в 1882 г. на берегу озера Неро каменная иконка, размером 6,6х4,6 см, на которой святитель с простертой перед грудью правой рукой, с Евангелием – в левой; это образец художественного ремесла рубежа XIV-XV вв.²⁶ Среди святителей, представленных на шитом воздухе 1389 г. св. Леонтия еще нет, но в произведениях XV в. его все чаще изображают вместе с московскими митрополитами Петром и Алексеем, в одноцветной светлой фелони, равно как и с иными святыми, с различным жестом²⁷. То же и в московском шитье второй половины XV – начала XVI века, неизменно в белом куколе²⁸. Небольшая по размерам икона в серебряном басменном окладе, из ризницы Троице-Сергиева монастыря, традиционно относимая к XV в., возможно выполнена и в самом начале XVI в., одним из мастеров круга Дионисия²⁹ (рис. 4). Крестчатая фелонь здесь с тем отличием, что крестики являются лишь элементом орнаментального мотива с ромбом. По-видимому, подобные иконы изготовляли и позже, для подношения именитым паломникам. Не исключено, что одна из них, выполненная в 1560-е гг., принадлежала Евфросинии Старицкой³⁰.

Весьма существенно, что подобное же изображение св. Леонтия Ростовского, фронтально в рост, с воздетыми руками, включено в программу стенописей собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, выполненных в 1502 г. Дионисием и работавшими с ним мастерами, где оно занимает восточную плоскость арки между алтарем и жертвенником³¹. Здесь святитель уже в фелони-полиставрии, сплошь заполненной именно равноконечными крестами, вписанными в круглые кольца и медальоны. Рисунок, пропорции фигуры и орнаментика фелони удивительно близко напоминают искуснейшее шитье покрыва на раку с мощами св. Леонтия, вышедшего в 1514 г. из местной мастерской великой княгини Соломонии Сабуровой³² (рис. 5). В отношении этого произведения уже возникало предположение о том, что его знаменит тот же Дионисий. Лишь с незначительными вариантивными отличиями тот же орнаментальный мотив перенесен на фелонь-полиставрий, изображенную в шитье иного покрыва на раку с мощами того же святителя, из мастерской царицы Анастасии Романовны, середины XVI в.³³ (рис. 6). В этот же ряд изображений следует включить также образ св. Леонтия Ростовского на иконе, выполненной вскоре после Стоглавого собора 1551 г., из Введенской церкви в Ростове³⁴ (рис. 7). Создается впечатление, что в цитированных описаниях графа М.В. Толстого и А.А. Титова речь идет именно об этих изображениях ризы св. Леонтия, а не о реально находившемся в соборе облачении, происхождение которого выглядит столь загадочным. Может быть в Успенском соборе некогда и находилась аналогично украшенная крестами в кругах фелонь-полиставрий, которую выдавали за меморию ростовского святителя? Но и на этот вопрос нельзя ответить утвердительно, даже в предположительной форме. Потому, что изображение св. Леонтия в крестчатой фелони иного вариантивно-орнаментального типа известно уже на воздухе княгини Елены Верейской, датированном 1466 г.³⁵ В то же время надо учесть, что в составе деисусного чина Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, выполненного около 1497 г., и в составе деисусного чина (поясного) из Поникарова, позже перенесенного в Гуменец, св. Леонтий в однотонной фелони³⁶, а на иконе деисусного чина рубежа XV-XVI вв. из Благовещенского погоста и на шитом покрыве XVI в.³⁷ (рис. 8), – с крестами совершенно иного рисунка. Приведенные примеры убеждают, что, следовательно, декор епископского облачения не может иметь решающего значения, при всем том, что указывает на определенную художественную традицию.

Вместе с тем, трудно не заметить, что временем наиболее широкого распространения аналогично украшенных крестами фелоней святителей, по данным произведений иконописи, является конец XV в. Это совпадает с возросшим почитанием св. Леонтия Ростовского, что, в частности, находит подтверждение в отмеченном развитии его иконографии, проникающей в различные регионы Русского государства. К концу XV – началу XVI в. заметно увеличивается количество списков жития св. Леонтия, появляются новые редакции³⁸. Между 1467-1514 гг. составлено пространное похвальное слово или поучение на память святителя. К 1514 г. относится уже упомянутый шитый покров с изображением св. Леонтия, вложенный великим князем Василием III (рис. 5). Вероятно, к тому же времени должно быть отнесено изготовление золотой раки, уничтоженной в 1608 г. (ПСРЛ. Т. УШ. С. 103-104). Судя по упоминанию с золотом изваяния св. Леонтия, весом в 200 фунтов, это была крышка той же

раки, с рельефным изображением³⁹. В таком историческом контексте логично предположить и изготовление фелони-полиставрия, предназначенной для ростовского архиепископа-преемника св. Леонтия. Архирейскую кафедру в Ростове с 1506 по 1515 гг. занимал архиепископ Вассиан II Санин, родной брат преп. Иосифа Волоцкого, пользовавшийся влиянием при великокняжеском дворе. Формальные признаки покроя и техники шитья не противоречат данному предположению, хотя и оставляют место для скепсиса. Тем не менее, дискуссионность вывода о происхождении ростовской фелони-полиставрия, позже в массовом сознании оказавшейся связанной непосредственно со св. Леонтием Ростовским, требует не отрицания, а скорее тщательно аргументированного подхода. Сомнения нельзя обращать в демагогию, особенно в случае, когда речь идет о столь загадочном памятнике, который долго предпочитали исследователи обходить стороной.

Если предлагаемый вывод справедлив, то данную фелонь-полиставрий должны были употреблять при богослужении преемники по кафедре Вассиана Санина, архиепископы и митрополиты, из которых Иона III Сысоевич (1652-1690) первый получил право служить в саккосе, о чем доныне напоминает датированное 1665 г. замечательное произведение строгановского лицевого золотного шитья⁴⁰. Фелонь-полиставрий со временем стала мемориальной вещью, что явно способствовало ее сохранности.

К сказанному остается добавить, что и существующий ныне Успенский собор в Ростове построен также в начале XVI в., при архиепископе Вассиане⁴¹. Устроенный в диаконнике мартирий св. Леонтия продолжал существовать, и ниша-аркосолий в третьей четверти XVII в. была украшена фреской с изображением святителя, его преставления и обретения его мощей⁴². При ремонте собора в 1841-1843 гг. над приделом св. Леонтия был настлан пол, разобранный лишь осенью 1884 г., благодаря чему опять открыт доступ к гробнице святителя⁴³ (рис. 9). В аркосолии установлена серебряная позолоченная гробница, изготовленная по заказу архиепископа Арсения Верещагина в 1800 г., в чеканном медальоне которой представлено погребение св. Леонтия Ростовского⁴⁴ (рис. 10). Позже и она исчезла, как не имеющая большого художественного значения. Сегодня, однако, понятно, что речь должна идти об исторически сложившемся мемориальном комплексе, в котором как ранний аркосолий с каменным саркофагом, так и выполненная позже фелонь-полиставрий, равно как и гробница 1800 г., с полным правом могли занимать исторически обусловленное место.

Когда была написана эта статья, подводящая итог многолетним наблюдениям над ростовской фелонью-полиставрием, не скрывая при этом противоречивости некоторых из приводимых фактов, трудно было предположить, что может появиться возможность заглянуть в буквальном смысле этого слова внутрь столь загадочного памятника литургического шитья. Известие о проводимой реставрации фелони настигло меня в конце мая 2004 г. в Вологде, а уже через несколько дней, благодаря любезности реставратора А.Ф. Черторижской, я имел возможность увидеть облачение в распоротом виде и обнаружить, что под более поздним сохранилось и первоначальное оплечье, действительно со следами споротого жемчужного шитья, с узором, напоминающим оплечье фелони преп. Пафнутия Боровского, 1475 г. (Якунина Л.И. Русское шитье жемчугом. М., 1955. С. 63. Рис. 30). Вряд ли стоит комментировать черты сходства и различия названных памятников: это более профессионально сделает реставратор, законным правом и долгом которого является опубликование ее открытия. Возможно, что несколько будет изменена и датировка, хотя вряд ли ее удастся далеко отодвинуть от 1500 г. Уточнению даты могли бы служить данные письменного источника; может быть, удастся когда-нибудь обнаружить и их: ведь находят многое из того, что, казалось бы, исчезло давно и навсегда.

Калуга, 25 августа 2004 г.

Якорь: #prim

1. Толстой М. Святые и древности Ростова Великого. Изд. 3-е, исп. и доп. М., 1866. С. 3.

2. Титов А.А. Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках. М., 1911. С. 27.
3. Новицкая М.А. Вышивки золотом с изображением фигур, найденные при раскопках в Софии Киевской // София Киевская. Материалы исследований. Киев, 1973. С. 62-67.
4. Пуцко В.Г. Икона Богоматери Максимовской: сакральный образ и ктиторский портрет // Рождественские чтения. Вып. II. Ковров, 1995. С. 9-16. Табл. 1-3; Маясова Н.А. Древнерусское шитье. М., 1971. С. 10-11. Табл. 5, 6.
5. Spatharakis I. The portrait in Byzantine Illuminated Manuscripts. Leiden, 1976. P. 129-139. Fig. 86, 90, 91.
6. Ibid. P. 89-90. Fig. 57.
7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 358. Под 1346 г.
8. Вздорнов Г.И. Портреты новгородских епископов в искусстве XIV в. // Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI-XVII вв. М., 1980. С. 115-119.
9. Там же. С. 120, 124, 125 (ил.), 122-132.
10. Русская Историческая Библиотека. Т. VI: Памятники древнерусского канонического права. Ч.1 (Памятники XI-XV в.). Изд. 2-е. Спб., 1908. Приложения. Стб. 56 («поелику же упомянутый преосвященный архиерей Кир Феогност, по духовной любви и расположению, какое он имел к бывшему епископу /новгородскому/, дозволил оному носить на фелони четыре креста, а по твоему желанию и прошению мы сделали и для тебя то же самое»).
11. Там же. Стб. 116, 118.
12. Покровский Н.В. Древняя Софийская ризница в Новгороде // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. 1911 г. Т. I. М., 1912. С. 115-116. Табл. XVIII.
13. См.: Piltz E. Trois sakkoï byzantins. Analyse iconographique. Stockholm, 1976; Средневековое лицевое шитье: Византия, Балканы, Русь. Каталог выставки, сост. Маясова Н.А. М., 1991. Кат. 9, 10.
14. Инв. № Р-100013; Т-1441. Ст. инв. № Ц-921/516. Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность хранителю тканей ГМЗРК В.К. Кривоносковой за помощь в изготовлении снимков фелони (ил.1). Снимок в развернутом виде (ил.2) сделан при нахождении фелони в Успенском соборе, в 1921 г.
15. Троице-Сергиева лавра. Авт.-сост. архим. Иннокентий Просвирин. М., 1987. Ил. на с. 149, 244 (ЗГИХМ, № 3197), 249 (ЗГИХМ, № 3199).
16. Манушина Т. Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. М., 1983. С. 87-88, 93-95. Кат. 29, 35.
17. Там же. Кат. 21, 40-43, 45, 55, 57, 66.
18. Титов А.А. Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках. С. 43-45. Рис. 9.
19. См.: Дневник Марины Мнишек. Пер. В.Н. Козлякова. Спб., 1995. С. 127-128.

20. Бабич Г. Христолошке распре у XII веку и појава нових сцена у апсидалном декору византијских цркава // Зборник за ликовне уметности. Књ. 2. Нови Сад, 1966. С. 18-29. Сл. 1, 3, 4, 7-9, 14.
21. Stojković Z. Milejeva. Beograd, 1963. Fig. 13, 14.
22. Sotiriou G. et M. Icones du Mont Sinai. T. I. Athines, 1956. Fig. 158; N. T. II. Athines, 1958. P. 138-139.
23. См.: Пуцко В.Г. Иконописные изображения св. Леонтия Ростовского: становление традиции // ИКРЗ. 1995. Ярославль, 1996. С. 53-62; Мельник А.Г. Иконография ростовских святых. Каталог выставки. Ростов, 1998; Он же. Житийная икона Леонтия Ростовского в собрании Угличского музея // Уваровские чтения – IV. Муром, 14-16 апреля 1999 г. Муром, 2003. С. 99-104.
24. Мельник А.Г. Почитание святого Леонтия Ростовского в домонгольскую эпоху // Уваровские чтения – V. Муром, 14-16 мая 2002 г. Муром, 2003. С. 100-103.
25. Леонтьев А.Е. Археологические наблюдения в ростовском Успенском соборе // СРМ. Вып. V. Ростов, 1993. С. 162-171.
26. Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI-XV вв. // САИ. Вып. Е 1-60. М., 1983. С. 128. Табл. 54. Кат. 304.
27. Иконы Сергиево-Посадского музея-заповедника. Новые поступления и открытия реставрации. Альбом-каталог. Авт.-сост. Л.М. Воронцова. Сергиев Посад, 1996. Табл. 4б; Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. Кат. 62, 63 (13 б), 71.
28. Маясова Н.А. Древнерусское шитье. Табл. 14, 38, 41.
29. Николаева Т.В. Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977. С. 84-85. Кат. 112; Мельник А.Г. Иконография ростовских святых. С. 17. Кат. 2.
30. Мельник А.Г. Икона Леонтия Ростовского из Воскресенского Горлицкого монастыря // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып. IV. Вологда, 2001. С. 212-218.
31. Фрески Ферапонтова монастыря. Текст И.Е. Даниловой. М., 1970. Табл. 44.
32. Пуцко В. Памятники русского прикладного искусства XV-XVII веков в Ростове // Музеј применене уметности. Зборник. Бр. 24-25. Београд, 1980-1981. С. 56-58. Рис. 4.
33. Там же. С. 59-60. Рис. 5.
34. Воспр. в цвете см.: Живопись Ростова Великого. Каталог. М., 1973.
35. Нарциссов В.В. Воздух, шитый княгиней Еленой Верейской // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб., 1997. Ил. на с. 215. В обширной статье, к сожалению, не нашлось места для краткой справки о составе деисусной композиции.
36. Художественное наследие Дионисия. Каталог выставки. М., 2002. Кат. 48; Живопись Ростова Великого. Каталог; Мельник А.Г. К истории комплекса художественных памятников, поступивших в Ростовский музей из церкви села Гуменец // ИКРЗ. 1996. Ростов, 1997. С. 55-66.

37. Мельник А.Г. Деисус из Благовещенского погоста в собрании Ростовского музея // ИКРЗ. 1997. Ростов, 1998. С. 116. Ил. на с. 113; Пуцко В. Памятники русского прикладного искусства XV-XVII веков в Ростове. С. 66. Рис. 8.
38. Подробнее см.: Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 3-22; Барсуков Н. Источники русской агиографии. Спб., 1882. Стб. 323-329; Филипповский Г.Ю. Житие Леонтия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.) Л., 1987. С.159-161.
39. Толстой М. Святые и древности Ростова Великого. С. 42-43 (прим. 30). Ср.: Grabar A. Le thime du «gisant» dans l'art byzantin // Cahiers archйologiques. Vol. 29. Paris, 1980-1981. P. 143-156.
40. Уварова П.С. Каталог ризницы Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. М., 1887. С. 37-38. Табл. 40, 41; Пуцко В.Г. Этюды по истории русского искусства XVII в. // Сборник Калужского художественного музея. Вып. 1. Калуга, 1993. С. 58-65. Ил. 1-6.
41. Мельник А.Г. Новые данные об Успенском соборе Ростова Великого // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 125-135.
42. Эдинг Б. Ростов Великий. Углич. М., 1913. Ил. на с. 35; Кузнецов А.С. Способ монтирования снятой со стены фресковой живописи // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 1. М., 1975. С. 232-234.
43. Воронин Н.Н. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова // Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. Вып. 1: Древний Ростов. Ярославль, 1958. С. 8-10, 24.
44. Титов А.А. Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках. С. 18-19